в Москву и из Москвы через Прибалтику в Западную Европу. Несомненно, что Герасимов, прибывший в Рим из Москвы в 1525 г. вместе с Центурионе,[48] был в курсе его рассказов о соперничестве европейских стран из-за торговли пряностями и о необходимости отыскания новых путей в юго-восточную Азию. Вот почему идея Герасимова об использовании Северного морского пути представляется нам результатом его хорошей осведомленности не только в географии родной страны, но и в великих географических открытиях того времени.

В Риме Герасимов мог получить дополнительные сведения о великих географических открытиях и, в частности, о путешествии Магеллана: незадолго до прибытия Герасимова Пигафетта, прославивший свое имя как автор дневника путешествия Магеллана, по возвращении на родину, в Италию, имел аудиенцию у папы Климента VII и лично докладывал ему о замечательном путешествии. Хорошо знаком был с Пигафеттой Кьерикати, епископ абруццкий, приставленный к Герасимову в Риме в качестве гида и ментора: в 1519 г. в свите монсиньора Кьерикати, тогда папского нунция, прибыл Пигафетта в Испанию и с разрешения Кьерикати отправился с Магелланом в кругосветное плавание.[49]

Все сказанное о Дмитрии Герасимове, о круге его интересов и знакомств делает, как нам кажется, более чем вероятной мысль о том, что именно Дмитрий Герасимов, услышавший от своих собеседников о сочинении Максимилиана Трансильвана, раздобыл его экземпляр и привез с собой в Москву.

Дмитрий Герасимов является, как нам думается, и автором перевода. Письмо Максимилиана Трансильвана написано, как уже отмечено, в трудном для перевода гуманистическом стиле, получившем распространение в XVI в. Перевод его был под силу лишь опытному переводчику. Герасимов же имел большой опыт литературных переводов. Еще в конце XV—начале XVI в. Дмитрий Герасимов, являвшийся участником кружка новгородского архиепископа Геннадия, выполнил по его поручению целый ряд переводов. Он перевел с нижненемецкого несколько статей для Геннадиевской библии, а также написанные на латинском языке сочинения Самуила Евреина и Николая де Лиры.[50] Дмитрию Герасимову принадлежит и перевод латинской грамматики Доната.[51] Когда Максим Грек приехал в Москву для перевода богослужебных книг, то Герасимов вместе с Власом стали его помощниками: Максим Грек переводил с греческого на латинский, а Герасимов с Власом — с латинского на русский.[52] Совместная с Максимом Греком работа по переводу Толковой псалтыри пробудила, по-видимому, у Герасимова интерес к этому памятнику и в 30-е годы XVI в. по поручению Макария, тогда архиепископа новгородского, он выполняет самостоятельный перевод с латинского толкования на Псалтырь Бруно Вюрцбургского.[53] Дмитрий Герасимов оставил, таким образом, значительный след в литературно-переводческой деятельности, имевшей место в России в конце XV—первой половине XVI в. Соединение

---

[48] См.: Павла Иовия Новокомского книга, стр. 252—255.

[49] А. Пигафетта. Путешествие Магеллана. М., 1950, стр. 43—44.

[50] См.: А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв., стр. 183—185, 191—193.

[51] См.: И. В. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. — В кн.: Исследования по русскому языку, т. I. СПб., 1885—1895, стр. 813.

[52] См.: В. С. Иконников. Максим Грек и его время. Киев, 1915, стр 166

[53] См.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии, ч. I. Казань, 1881, стр. 150—151.